

Preaspiration is regarded as originating from Gmc. *ht, cf. Runic *dohtir*, OE *dohter*, Old Icelandic *dóttir* Modern Icelandic [dou^htir], preserved in the 10th c. Scandinavian loanwords in English, cf. *haht* (< *hætta*) 'danger', *saht* (*sætt*, *sátt*) 'agreement'. This set up a model for assimilatory changes resulting in consonant doubling, e.g. /mp/ > /pp/, etc. Depending on the place of syllable boundary in the /VhC/ combination, viz. after [h] or [hC], preaspiration can be interpreted either as part of the /V^h-C/ complex (i.e. /VC:/ = /VCC/) and of the vowel segment or as a monophonemic /^hC/ segment (= /C:/) and, hence, part of the consonant. In either case, it has a prosodic function, which it had in the earlier periods, participating in compensatory processes.

И.И. Чекалов

ЭДДИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ В «БЕОВУЛЬФЕ»:

'HORD ... OPENE' – 'OPIN VAR ILLÚÐ'

I

Параллель, выявляемая в настоящей работе, фиксируется двумя словосочетаниями, встречающимися в тексте соответственно «Беовульфа» (Beo. 2270₂-2271₂) и «Песни о Вёлунде» (Vkv. 21₃, 23₃). Одно из них заключено во фразе, занимающей три кратких строки аллитерационного стиха: *Hordwynne fond / eald ūhtscaða / opene standan* 'старый ночной вредитель обнаружил, что сокровище-радость лежит открытым'.¹ Другое представляет собой краткую строку аллитерационного стиха, самостоятельную в синтаксическом отношении и дважды повторенную в эддическом тексте: *Opin var illúð* 'Открытым было зло'.²

Несмотря на очевидные различия в поверхностно синтаксической организации рассматриваемых отрезков текста, глубинная структура вычленимых из них словосочетаний *hord ... opene* и *opin var illúð* однотипна, так как в обоих случаях мы имеем дело с соотношением означаемых как вещи и признака.

Подобные семантические сочетания М.В. Никитин называет экспликационными. «Вектор экспликации, – пишет он, – направлен от имени признака к имени вещи и не меняется при смене вектора синтаксического подчинения (т.е. вектора формально-синтаксической зависимости).

Например, сочетания *белый снег, снег бел, белизна снега* – экспликации-онны, и в них имя вещи ‘снег’ – экспликандум, а имена признака этой вещи ‘белый, бел, белизна’ – экспликанды.³ Экспликационные словосочетания М.В. Никитин отличает от чисто атрибутивных, «поскольку экспликацией описываются глубинно-синтаксические отношения (отношения денотатов), и тут несущественно, какое из двух слов подчинено другому и является ли их связь непредикативной или предикативной. Важно лишь, чтобы денотаты имен соотносились как вещь и признак».⁴

Именно такое соотношение денотатов имен наблюдается в словосочетаниях *hord ... orene* и *orin var illúð*. Однако эти последние сопоставимы не только по типу своей семантико-синтаксической структуры, т.е. типу экспликации, но и по составляющим их смысловым элементам, т.е. денотатам имен.

Хотя *orene* и *orin* являются словами разных языков, денотативная идентичность, стоящая за данными именованями, – подразумеваемый один и тот же признак – не вызывает сомнения. Эта идентичность прослеживается на уровне этимологических связей в германских языках как смысловой элемент, выражающий движение вверх,⁵ лексематически она отражена в словарных дефинициях, подтверждаемых, в частности, примерами из корпуса «Беовульфа» и «Эдды».⁶

Однако словарные дефиниции, как известно, дают лишь статическое представление о значении слова, семантическая динамика словопотребления – «сочетаемость потенции слов, связанные с творческим характером самого языка»,⁷ – проявляются только в контексте. «Каждый аспект значения слова, – отмечает Д.А. Круз, – отражен характеристикой своего соответствия (или несоответствия) норме в грамматически надлежащем контексте <...> Чрезвычайно полезной семантической моделью слова, выводимой из контекстных отношений, является модель, в которой значение слова рассматривается как образуемое, по крайней мере частично, значениями других слов».⁸

Если с этой точки зрения обратиться к значению слова *orene*, то можно обнаружить, что содержащийся в нем семантический компонент, «контрадикторно противопоставленный»⁹ внутренней форме слова *hord* (*secret place*)¹⁰, имеет различную дистрибуцию во фразовых контекстах «Беовульфа».¹¹

Диапазон данной лексико-грамматической вариативности выявляется посредством смыслового контраста таких словопотреблений *hord*, как

(1) *hord eft gescēat* ‘к сокровищу снова спешил’ (2319),

(2) him Hyggd gebæad hord ond rice ‘ему Хюггд предложила сокровища и власть’ (2369).

В первом случае значение *hord* поясняется парафразой *dryhtsele durnne* ‘скрытый роскошный зал’ (2320), во втором – его синонимом *bēagas* ‘кольца’ (2370). В одном случае этимологическая мотивированность слова *hord* влияет на смысл фразы, и это отражено в контексте (*durne* – *secret, hidden*, Klaeber), в другом нейтрализовано значением глагола *ge-bēodan* (*offer, show*, Klaeber).

Словоупотребление *hord* во фразе *hordwynne fond eald ūhtscaða* орепе примыкает к первому из вышеуказанных примеров: признак, лежащий в основе этимологической мотивированности имени вещи, – тот же, что и у глагола *hūdan* ‘прятать’,¹² – является оксюмороном признака имени, выраженного прилагательным *orep*. На это указывает не только значение глагола *findan* (*come upon*, Klaeber), но и весь смысл фразы, контрастный по отношению к тому, о чем ранее сообщалось: *gumena nāthwylc, / (...) fæc gehūdde, / dēore māðmas* ‘некто из людей спрятал там дорогие кольца’ (2233₂–2236₁). Таким образом, дракон нашел раскрытым то, что некогда было скрыто.

II

В своем словаре к «Эдде» Хуго Геринг представляет *illúð* этимологически расчлененным, как *ill-úðr*, восстанавливая первоначальную форму слова в виде *ill-hugr*. Иначе говоря, он возводит цельнооформленность слова к опрощению исходных элементов деривации с участием общегерманской морфемы *p/t*, подчеркивающей сигнификативный аспект значения. Соответственно он толкует *illúð* как *Bosheit*,¹³ что вполне укладывается в общий сюжетный контекст «Песни о Вёлюнде»: дети Нидуда, нарушив запрет отца не ездить на остров, где томится Вёлюнд, гибнут от руки того, к кому приехали:

Opin var illúð, er peir í lito:
Sneið af haufuð húna peira (Vkv. 23_{7,8}–24_{1,2}).

‘Открытым было зло, когда они внутрь посмотрели:
[Вёлюнд] снес голову юношам тем’.

В «Гренландских Речах Атли» слово этой же этимологии *ill-úðigr* (*ill-hugðir*) также содержит сигнал о предстоящей гибели героев. Хёгни называет свою жену и жену своего брата *illúðgar* (*übel gesinnt* – Неккель,

Am, 13),¹⁴ когда они предупреждают Гьюкунгов о грозящей опасности. Успокаивая Костберу и Глаумвер, Хёгни всячески разуверяет их, но, как явствует из «Гренландской Песни об Атли», он видит присланное сестрой кольцо, обвитое волчьим волосом, и не сомневается, что ему и Гуннару придется ехать «по волчьей тропе» (ср. Am. 11-28; Akv. 8).

По своей этимологической расчлененности слово *illúð* соотносится с устойчивым словосочетанием *ill hugr*. Геринг толкует данное словосочетание как ‘*Feindseligkeit*’,¹⁵ и в данном значении оно синонимично слову *illúð*. Словосочетание *ill hugr* встречается в трех эддических контекстах, в которых наблюдается некоторая дифференциация смысла.

В одном контекстном обрамлении – во «Второй Песни о Гудрун» – словосочетание *ill hugr*, использованное при введении темы вещей снов, предвосхищающих будущие события, означает темное состояние духа героини, когда она пробуждается от предчувствия гибели своих братьев:

Vakði mik Atli – en ek vera róttomz
full illz hugar at frændr dauða (Gðr II, 37).

‘Пробудил меня Атли, и мне казалось, что я полна темных предчувствий о смерти родичей’.

В другом контекстном обрамлении – во «Второй Песни о Хельги – убийце Хундинга» – *ill hugr* ‘вражда’ и *reiði* ‘гнев’ занимают грамматически идентичную позицию по отношению к одному и тому же глаголу *hirða* (*sich kümmern*, – Геринг), что подчеркивает смежность понятий, о которых идет речь во фразе:

Hirð eigi þú Högna reiði,
né illan hug ættar þínnar! (НН II, 18_{1,4}).

‘Не страшись ты ни гнева Хёгни, ни вражды вашего рода’.

В третьем контекстном обрамлении – в «Песни о Хюмире» – мы также имеем дело с грамматическим параллелизмом:

er minn frí mörgo sinni
glöggr við gesti, gorr illz hugar (Нум, 9_{5,8}).

Одинаковая грамматическая функция фраз *glöggr við gesti* ‘скупой, в отношении гостей’ и *gorr illz hugar* ‘склонный к вражде’ дала возможность А. Корсуну переставить их в русском переводе без особого ущерба для смысла:

Злобен супруг мой часто бывает
И скуп на еду, принимая гостей.¹⁶

Злобность и жадность Хюмира взаимно мотивируют друг друга и предваряют его характеристику: *harðráðr* (суровый, Нум. 10₃).

Смысловая дифференциация устойчивого сочетания *ill hugr*, выявляя его семантическую подвижность, регулируемую ближнеконтекстными связями, тем не менее не затрагивает понятийного ядра, лежащего в основе синонимии *ill hugr* – *illúð*. В нем заключена информация о вражде. В рамках сюжета «Песни о Вёлунде» это значит, что зло, которое «было открытым» перед взором детей Нидуда, является злом-враждою, т.е. значение самого слова *illúð* содержит сигнификативный признак, отсылающий к представлению о борьбе, вражде, распре. Очевидно, именно сигнификативный аспект значения *illúð* не был воспринят детьми Нидуда, иначе они бы не погибли. Иными словами, к ним вполне приложимо то, что говорится о Гуннаре и Хёгни (а затем повторяется и в отношении Атли) в «Гренландской Песни об Атли»:

sýn var svipvísí, ef þeir sín gæði! (Am, 7_{3,4}; ср. 74_{3,4}).
‘виден был обман, если бы они побереглись’.

III

Что же закрывало для детей Нидуда восприятие сигнификативного значения слова *illúð*? Их внимание было направлено на тот материальный субстрат, обозначением которого служит данное слово, т.е. на его денотат:

*Kómo þeir til kisto, kröfðo lukla,
Opin var illúð, er þeir í sáu.
Fjölð var þar menia, er þeim mögom sýndiz
at væri gull rautt ok gørsimar* (Vkv. 21).

‘Они подошли к сундуку, спросили ключи, было открытым зло, в которое они посмотрели, там было много драгоценностей, которые, показалось юношам, были красным золотом и украшениями’.

В отличие от древнеанглийского *hord* внутренняя форма слова *illúð* не содержит информации о предметной референции, и эта последняя в нем непосредственно никак не представлена. Но она отчетливо выраже-

на в ближнеконтекстных связях слова и может быть по ним восстановлена. Сыновья Нидуда приезжают к Вёлунду *á dýr séa* 'посмотреть драгоценности' (20). Они *í sáo* и *í líto* 'смотрели и глядели внутрь' (21₄; 23₆). То, что они видят внутри сундука, предстает перед ними как множество драгоценных вещей в виде красного золота и украшений. Показатели референции, вычленяемые из прямых обозначений речи (*á dýr séa*, *menia*, *fjöld*, *til kisto*, *lukla* и т.п.), указывают на тот же предметный ряд, что и денотат древнеанглийского слова *hord*, причем два из них, коренящиеся в значении 'til kisto' и 'lukla', свидетельствуют о семантической антонимии *illúð* и *opin*, проявляя сходнозначность рассматриваемых словосочетаний в целом.

Сфера прямого лексического и поверхностно синтаксического выражения данной семантической структуры в «Беовульфе» и «Эдде» невелика.

В древнеанглийской поэме она ограничена двумя словоупотреблениями (2270–2271; 3056), но оба они являются ключевыми для раскрытия темы, имеющей важное сюжетное значение в «Беовульфе». Это тема залятого золота. С того момента, как дракон обнаружил, что «сокровище-радость лежит открытым», он стал кладохранителем. Однако первоначально клад принадлежал древнему племени, которое, оставив свои сокровища на вечное хранение, наложило на него «крепкое заклятие»:

<...>   wæs <...>
iūmonna gold galdre bewunden,
pæt ðām hringsele hrīnan ne mōste
gumena ænig, nefne God sylfa,
 <...>   sealde pām ðe hē wolde
 <...>   hord openian (Beo. 3051–3056).

‘Было золото прежних людей окружено заклятием, чтобы того зала колец не достиг никто из людей, кроме как сам Господь дал бы тому, кому захотел, клад открытъ’.

Дракон, надо думать, не мог удовлетворять такому условию и потому, найдя клад и став кладохранителем, должен был погибнуть.

В «Эдде» *illúð var opin* – *hарах legomenon*, однако планом своего содержания это выражение глубоко укоренено в языке эддических образов и представлений. Предметно слово *illúð* соотнесено с залятым золотом. Залятое золото ищет у Вёлунда Нидуд, и оно служит причиной

пленения «князя альвов». Золото, которое Вёлунд сулит детям Нидуда, также, вероятно, является заклятым, ибо Вёлунд, «искуснейший из людей», славится искусством не только кузнеца, но и волшебника. Заклятое золото является «металлом вражды» (*róg-málmr* – Акв. 26₆) и несет гибель каждому, кто к нему прикоснется. Именно это гибельное свойство золота фиксируется сигнификативным значением *illúð*.

Таким образом, несмотря на узость прямого лексического и синтаксического выражения рассмотренной семантической структуры, ее наличие выводит через непосредственную данность текста к ее формульной значимости, раскрывающей смысловую стержень темы заклятого золота, – одного из центральных моментов сюжетосложения в древнегерманском эпосе.

Примечания

¹ Текст «Беовульфа» цит. по: *Beowulf and the Fight at Finnsburg*, ed. <...> by Fr. Klacber, Lexington, 1950.

² Текст «Эдды» цит. по: *Edda: Die Lieder des Codex Regius <...>*, herausgegeben von Gustav Neckel. Bd 1. Heidelberg, 1914.

³ *Никитин М.В.* Лексическое значение слова: (Структура и комбинаторика). М., 1983. С. 63.

⁴ Там же. С. 63–64.

⁵ *Jóhannesson A.* *Íslandisches Etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1951–1956. S. 94–95.

⁶ *Bosworth J.* *An Anglo-Saxon Dictionary*. ed. by T.N. Toller. Oxford, 1954. P. 763; Supplement. P. 675.

⁷ *Кузнецов А.М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986. С. 75.

⁸ *Cruse D.A.* *Lexical Semantics*. Cambridge, 1986, P. 15–16.

⁹ Термин Р. Якобсона (Избранные труды. М., 1985. С. 224).

¹⁰ *The Oxford Dictionary of English Etymology* / Ed. Onions C.T. Oxford, 1985. P. 443.

¹¹ Слово *hord* употреблено в «Беовульфе» 18 раз: 919, 2212, 2276, 2283, 2284, 2319, 2369, 2422, 2509, 2744, 2773, 2799, 2955, 3004, 3011, 3056, 3126 (*A Concordance to Beowulf*, ed. by J.V. Bessinger Ithaca. New York, 1969. P. 185).

¹² Ср.: *The Oxford Dictionary of English Etymology*. P. 440.

¹³ *Gering H.* *Glossar zu den Liedern der Edda: (Saemundar Edda)*. Paderborn, 1907. S. 97.

¹⁴ *Neckel G.* *Edda: Die Lieder des Codex Regius. Bd 2. Commentierendes Glossar*. Heidelberg, 1927. S. 89.

¹⁵ *Gering H.* *Op. cit.* S. 98.

¹⁶ *Старшая Эдда: Древнескандские песни о богах и героях* / Пер. А.И. Корсуна; Ред. вступит. статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963. С. 50.

Am – Atlamál in groenlbnzko
Beo – Beowulf
Gor II – Guðrúnarkviða II
HH II – Helgakviða Hundingsbana II
Hym – Hymiskviða
Vkv – Volundarkviða

Ivan Chekalov

An Eddaic Parallel in «Beowulf»: 'hord ... opene' - 'opin var illúð'

The syntactic structure of the two given phrases (Beo. 2270,-2271.; Vkv. 21., 23.) is claimed to be semantically similar, this similarity suggesting their functional identity as formulaic and thematic units of the traditional Germanic epic language.

И.П. Куприянова

**РОМАН С.О. МАДСЕНА «НРАВСТВЕННОСТЬ
И БЕЗНАВСТВЕННОСТЬ В СРЕДИННУЮ ЭПОХУ»**

Свен Оге Мадсен занимает примечательное место в общей картине датской литературы последних десятилетий. Он родился в 1939 г. в Орхусе, втором по величине городе Дании. После окончания гимназии Мадсен три года изучал математику в Орхусском университете, прежде чем обратиться к литературному творчеству.

Дебютировав в 1962 г. новеллой «Восьмой день» (Den ottende dag), Мадсен в последующие годы плодотворно работает в самых различных жанрах: его перу принадлежат десятки романов и новелл, театральных и радиопьес, пишет он и детские книги. Его произведения почти сразу получили признание критиков и доставили автору ряд престижных литературных премий, в том числе – Большую премию Датской Академии (1971).

Вступление Мадсена в литературу произошло в период почти безраздельного господства в ней модернистских течений. Следует отметить, что в 50-х и первой половине 60-х годов датская литература испытывает сильнейшее влияние со стороны литератур иностранных, в первую очередь – французской. Издаются переводы произведений А. Роб-Грийе, С. Беккета, Ионеско, Натали Саррот, Сартра. Знакомство с философией экзистенциализма естественно пробуждает интерес к Киркегору. Из не-